

Лариса ПЕТРОВИЧЕВА

КРЫЛЬЯ

ВЕТРОВ

@ЭЛИТА

18+

Лариса Петровичева

Крылья ветров (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Петровичева Л.

Крылья ветров (сборник) / Л. Петровичева — Электронное издательство "Аэлита", 2014

Писатель продаёт душу за великий роман и не выдерживает соблазна преступить условия договора. Студентка засыпает на лекции и, проснувшись, коренным образом меняет мир. Демоны ходят по земле, пытаясь стать людьми, а мёртвые оживают в моргах и уходят выполнять приказы. И только Тот, кто шествует на крыльях ветров, способен сделать финал счастливым...

© Петровичева Л., 2014
© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Крылья ветров	6
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лариса Петровичева

Крылья ветров

© ЭИ «@элита»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Крылья ветров

Часть первая Серые сны

Первым, что увидела Настя, была тень.

Чёрная, изломанная, болезненно неправильная, она падала от стола на стену и доску, и там, где она лежала, пространство будто собиралось жёсткими складками, морщилось и скулило.

– И что стоим? Кого ожидаем?

Настя моргнула. Наваждение исчезло; она стояла на пороге аудитории, за окном было темно – первая пара в политехе начиналась в половине восьмого утра, а в феврале это ещё ночь. Однокурсники смотрели на неё с недоумением, и Насте казалось, что сон, приснившийся ей сегодня, продолжается.

Преподаватель демонстративно пощёлкал в воздухе пальцами.

– Спим не дышим, Ковалевская? – произнёс он с невыразимой едкостью. – Садитесь, не отнимайте время у группы.

Настя заняла привычное место в углу, вынула тетрадь из котомки, приготовилась записывать лекцию. Игорь Митько обернулся к ней и подмигнул.

– Опять до трёх в нете сидела? – прошептал он.

Голос преподавателя грянул над ними, словно удар колокола:

– Митько, вас не научили молчать, когда говорят старшие?

Игорь мигом сел ровно и принялся смотреть на доску, словно примерный ученик. Преподаватель скептически хмыкнул.

– Так-то лучше. Итак, структура длительного времени...

Тень всё-таки была, Настя в этом не сомневалась. Она придавливала собой стену и зелёное крыло доски, и пропала, когда преподаватель заговорил. Настя смотрела на него, чертящего схемы: чуть за тридцать, холёный, начинающий сесть брюнет, в дорожном костюме, весь столичный, весь нездешний, от него веяло холодом, словно от снежной глыбы, и мелок в его длинных тонких пальцах будто жил своей жизнью, выплясывая по доске среди букв и линий. А тень была, и никуда не делась, просто соскользнула на пол и разлилась чёрной лужей вокруг изящных остроносых ботинок; потом она выплывает по их следам из аудитории и медленно потечёт, затапливая универ...

Надо всё-таки спать по ночам, а не жить в сети, болтая ни о чём с такими же совами и играя в немудрёные игры в социальных сетях. Надо ложиться если не в три, то хотя бы в полночь, и высыпаться к первой паре, тогда и мерещиться не будет... У Юльки Симакович новые сапожки на невообразимой шпильке, как же она в них будет добираться до своей общаги по заледеневшим ухабинам дороги? А сегодня ещё три пары, и надо пойти на кафедру по поводу курсовой, и поймать преподавателя по этике, чтобы договориться насчёт пересдачи на этой неделе...

Её с какой-то безгловостью потыкали пальцем в плечо. Настя встрепенулась: аудитория была пуста, группа уже, оказывается, успела убежать на вторую пару, а она заснула, положив голову на тетрадь и не услышала звонка... И ведь никто не додумался разбудить...

– С добрым утром, – промолвил преподаватель. – Я буду вам искренне признателен, если спать вы будете дома.

– Простите... – пролепетала Настя, поднимаясь и пытаясь судорожно записать тетрадку в котомку. Смятые листки были девственно чисты, а доска – исписана полностью; преподаватель презрительно скривил тонкие губы. – Я больше... Простите...

– Сборник упражнений, номера с пятого по восьмой, – процедил он. – Практикум послезавтра.

– Да... Конечно... Простите... – прошептала Настя, и, подхватив котомку, вылетела за дверь.

Тень дрогнула и потекла было за ней, но на полдороге остановилась.

* * *

«Юлия Симакович добавила Антона В. Зонненлихта»

Настя пролистывала новости от друзей по социальной сети. Друзей было сто сорок пять, новостей хватало. Не то что они были особенно серьёзными – так, забавляли Настю. Игорь постоянно выкладывал фотографии со своих соревнований по бальным танцам, Лучик Клим просто плевался заметками со стихами ни о чём, Лора Семеониди поражала афористичными статусами, меняя их со скоростью пулемётной очереди, а Юлька всё время находила новых друзей.

Новых комментариев за истёкший период не было, сообщений пока тоже не пришло. Зато обновились новости. «Игорь *Зубб* Митько добавил Антона В. Зонненлихта», «Лора Семеониди: Да сгинут водянка и ящур! Даёшь перерыв на обед!», «Лора Семеониди добавила Антона В. Зонненлихта».

Чисто из любопытства Настя щёлкнула по ссылке и увидела страничку преподавателя по английскому, у которого сегодня так сладко уснула на паре. С аватары – студийной чёрно-белой фотографии – Антон В. Зонненлихт смотрел немного устало и снисходительно: так мог смотреть Людовик какой-то-там, говоря: «Ну что же поделать, если нет в людях моего совершенства». Настя мельком пролистала страничку: не женат, образование и карьера скрыты, фотографий больше нет, зато аудио – немерено, и все классическая музыка, а на стене уже отметилась Юлька с бодрым «Добрый вечер, Антон Валерьевич!!!»

Зонненлихт был в сети. Повинуясь внезапному порыву, Настя добавила его в друзья и написала сообщение: «Здравствуйте, Антон Валерьевич! Упражнения я сделала и лекцию переписала. Простите ещё раз. Настя» – не надеясь, в общем, на ответ. Преподаватели сидят в интернете не ради того, чтобы общаться с нерадивыми студентками, особенно такие, как Зонненлихт, у которых идеальная стрижка, волосок к волоску, и галстук стоит дороже, чем получает Настина мама. Впрочем...

Сообщение от Игоря: «Ты тоже англичанина добавила? Он сухаридзе, но прикольный))))))»

И сообщение от Зонненлихта: «Высыпайтесь всё-таки дома, хорошо?»

Настя улыбнулась и снова увидела тень. На фотографии преподавателя она закрывала почти весь задний план.

* * *

Откуда берутся тени? Не те, обычные, которые отбрасывают все предметы и которые, как говорят, исчезают в полдень, а другие, которые мы замечаем тогда, когда нам больно, страшно, когда мы устали или напряжены. Конечно, они маскируются под самые заурядные тени от привычных вещей, но краем глаза мы замечаем, что они двигаются и живут своей жизнью, словно животные, которые притворяются спящими, но между тем наблюдают за нами из-под век. Потому-то не хочется поворачиваться к ним спиной.

Настя поставила точку и нарисовала под написанным цветочек. Лекция по культурологии её не интересовала нисколько, а слайды, что показывала Лилия Сергеевна, навевали тоску. Однако на лекциях и практике по культурологии шёл строгий учёт, в конце семестра грозил экзамен, а Лилия славилась жёстким нравом, и потому в аудитории сидел практически весь поток, даже самые отъявленные прогульщики зевали на последнем ряду.

Настя смотрела в окно, чувствуя, что живёт на автопилоте. Вчера она таки легла спать в двенадцать, но проворочалась без сна до половины третьего, и утром, поглядев на себя в зеркало, поняла, что похожа на зомби.

По институтскому дворику шёл Зонненлихт. С утра сыпало снежными хлопьями, и его роскошное чёрное пальто пятнало белым. Тени не было, вернее, она плелась за ним – обыкновенная, серенькая, скучная, в ней не было ничего, что могло бы привлечь внимание.

В конце концов, что ты к нему привязалась, уныло подумала Настя. Спать надо больше и заниматься, а не страдать фигнёй. Скоро не то что тени – черти начнут мерещиться, а с Зонненлихтом халява не прокатит, с таким можно и из универа вылететь на раз-два. Из-за непрофильного английского. Так что заниматься, заниматься и ещё раз заниматься...

Словно уловив её мысль, Зонненлихт во дворе остановился и мазнул взглядом по окнам. Настя опустила голову к тетради.

* * *

В столовой на большой перемене было не протолкнуться, однако Настя умудрилась отво-евать себе чай, булочку и место на подоконнике – свободных столов-стульев не оказалось. В спину дуло, но Настя предпочитала игнорировать мелочи. На следующей паре предстояла пересдача, из-за неё пропуск английского, от стипендии оставались совершенно неприличные крохи, булочка кончилась как-то уж очень быстро, а на улице выла метель – в общем, поводов для радости было не особенно много.

Когда из шума вырвалось:

– Антон, и всё-таки я бы вам очень советовал исповедаться и причаститься, – то Настя будто пробудилась ото сна и посмотрела вокруг осмысленным взглядом. Неподальёку от неё, за столиком, расположились отец Даниил, священник университетской домово-й церкви, и Зонненлихт, причём на лице преподавателя было настолько презрительное выражение, будто он в эту минуту брезговал всем миром, в том числе и отцом Даниилом, которого в универе все любили. Священник, впрочем, не испытывал дискомфорта – в его взгляде Настя видела искреннее сочувствие и понимание.

– И что мне это даст? – процедил Зонненлихт.

– Успокоение, – промолвил отец Даниил. – Вам действительно станет легче, Антон, можете мне поверить.

Зонненлихт скривился ещё сильнее и посмотрел на священника так, что Настя вздрогнула. Ей показалось, что преподаватель сейчас ударит отца Даниила, настолько жутким было выражение его лица.

Но этого, разумеется, не произошло. Напротив, Зонненлихт произнёс такое, чего Настя никак не ожидала.

– Простите, – сказал он. – Я ещё не могу совладать со своим отвращением.

Священник кивнул.

– Можете рассчитывать на мою помощь, Антон.

Студенты помаленьку начали тянуться на выход: через десять минут начиналась пара. В столовой образовались свободные места, стало потише, почти все лотки у поваров опустели. Настя сидела, не в силах пошевелиться.

Тень за спиной Зонненлихта клубилась и переливалась всеми тонами и оттенками чёрного. Отец Даниил смотрел прямо на неё, и Настя поняла, что он тоже её видит, но она его не пугает, наоборот, выглядит совершенно естественной, и священник был бы скорее испуган её отсутствием.

Теперь ей стало жутко.

– Я к вам обязательно зайду, – пообещал Зонненлихт, посмотрев на отца Даниила чуть ли не виновато. После высокомерного презрения такой взгляд был совершенно неожиданным; впрочем, Настя подумала, что теперь может ожидать чего угодно. – Думаю, наша встреча не случайна.

Священник ободряюще улыбнулся.

– В этом мире нет случайностей, – промолвил он.

Внезапно Зонненлихт посмотрел на Настю в упор, и его холодный взгляд был едва ли легче пощёчины. Настя сделала вид, что старательно изучает написанное в тетради и не замечает ничего кругом.

Её лизнуло ледяным снежным ветром. Настя вздрогнула, но головы от тетради не подняла, только отпила чаю.

Ударивший по ушам звонок стал для неё спасением. Когда Настя посмотрела по сторонам, Зонненлихта в столовой уже не было, а отец Даниил спокойно допивал чай.

Настя вздохнула, отнесла пустой стакан в окошко приёма посуды и пошла на пересдачу.

* * *

С пересдачей пришлось помучиться, однако в итоге пожилая преподавательница сменила гнев на милость и собственноручно начертала «зачтено» в Настиной зачётке. Настя отнесла допуск в деканат, и, потоптавшись у расписания – не узнав, впрочем, ничего нового – отправилась в читальный зал готовиться к практикуму по социологии: там препод был молодой аспирант, рьяный и фанатичный; короткой юбкой, как с прочими аспирантами, тут не обойтись. Занятия на её потоке уже закончились, однокурсники в большинстве своём разошлись по домам, впрочем, Игорь наверняка тоже кукует над толстенным «Введением в социологию» – вот и хорошо, не придётся скучать одной.

Возле читального зала Настя столкнулась с Зонненлихтом. И не просто столкнулась – влетела в него и застыла, окаменев и дыша через раз, воспринимая только хлесткий серый взгляд и лёгкое облако дорогого одеколона. Если не везёт, то это надолго...

– Антон Владимирович... Простите... Я не прогуливала, у меня пересдача...

– Валерьевич, – поправил Зонненлихт, глядя на оцепеневшую Настю с таким омерзением, будто едва сдерживал подступающую тошноту. – Смотрите под ноги, Ковалевская. Это полезно.

Облако одеколона отплыло. Настя стояла неподвижно, стора со стыда. И занятие пропустила, и отчество перепутала, и вообще она дура, дура, неисправимая дура, неизвестно из какой дыры выползшая на белый свет!

Ей захотелось плакать. Не чувствуя собственных ног, Настя опустилась на ступеньку. Что вообще происходит? Почему у неё такое чувство, будто она угодила в глубокую вонючую яму и обречена находиться в ней до скончания века... Подумаешь, не грозит стипендия в новом семестре, не хватает денег, мелкие проблемы с новым преподавателем, пересдача эта чёртова, метель, холодная пустая комната, одиночество, нудные пары – по большому счёту нет повода расстраиваться и видеть подозрительные тени там, где их нет...

Тень лежала на площадке между этажами, антрацитово-непроницаемая и спокойная. Настя вытянула шею: Зонненлихт стоял на площадке, прямо под знаком «Курить запрещено»

и щёлкал зажигалкой, в которой, судя по всему, кончился бензин. Настя шмыгнула носом, провела ладонью по щеке и полезла в карман.

– Антон Валерьевич...

Зонненлихт шагнул в сторону и посмотрел на неё. Тень не дрогнула.

– Что, Ковалевская?

Настя бросила ему зажигалку. Спонтанное решение, примерно такое же, как вчера, когда она открыла его страничку и нажала «Добавить в друзья».

Зонненлихт поймал зажигалку, и по его лицу скользнула тень улыбки, словно он действительно попытался быть непринуждённым и сердечным, хотя это ему совершенно не свойственно.

– Спасибо, – ответил он, закурил и швырнул зажигалку обратно. Она ударила Настю по лбу; Зонненлихт понимающе улыбнулся, словно и не ожидал ничего другого.

– Настоящее длительное время. Сборник упражнений, номера с одиннадцатого по семнадцатый, – произнёс он. – Практикум в понедельник.

* * *

Статус Лоры: «Е*анько, подай патрон».

Статус Игоря: «Не кормите сетевого тролля, покормите лучше Игорька».

Юлька добавила в друзья семерых студентов из артухи и одного из медколледжа.

Настя лениво перелистывала странички чужих судеб. На стене Васи нарисовали питона, Саша сменил семейное положение и встречается с Леркой со второго курса, у Володи новые фотографии с отдыха в Египте, похожие на тысячи других фотографий из тех же мест, Лучик пишет о любви в шкафу и новых панталонах с начёсом, Танечка взывает о помощи по термеху, Лена, Майя и Никита идут на концерт группы «Ехидный конь», причём лидер «Ехидного коня» Митяй с исторического туда вообще не собирается, и даже не в курсе, что концерт будет. Аватару Лёши по кличке «Жабонь», где он подбоченился в позе Дон-Жуана (хотя какой из него Дон-Жуан, понятно по прозвищу), все хвалят и советуют дарить девушкам с автографом, местечковый поэт Миньковский выпустил новый сборник, и фанатки хвалят его до небес, Катрин посеяла тетрадь с лекциями и плачет горькими слезами, а камрады её утешают, но ни один не предлагает конкретной помощи, а Антон Зонненлихт...

Антон Зонненлихт он-лайн. Только и всего.

Настя со вздохом покосилась в сторону своей стопки тетрадей. Упражнения по английскому она уже сделала, недаром в школе это был один из её любимых предметов, но что-то ей подсказывало, что на пару в понедельник она снова не попадёт. Обязательно что-то случится: консультация по курсовой, падение на льду, банальное «просплю»... А дело только в том, что ей не хочется туда идти. Вот не хочется, и всё.

«Что было на английском?» – написала она Игорю, и в ожидании ответа раскрыла приложение и принялась стрелять по разноцветным пузырям.

«Ну что... правила, упражнения... Потом запись слушали про Лондон. Ты этику передала?»

Настя расстреляла очередную гроздь пузырей и ответила:

«Конечно. Прикинь, наткнулась на Зонненлихта потом(((»

«Я так чую, халявы с ним не получится, – отписал Игорь. – Хотя Юлька с ним вроде подружилась... Ну да ты знаешь Юльку, без мыла в жопу влезет».

Юлька... Конечно. Весь арсенал женских уловок плюс нормальная голова на плечах. Убийственное сочетание, позволяющее очаровывать до потери памяти всех преподавателей мужского пола и дружить с преподавателями пола женского. Впрочем, насколько Настя успела заметить, Зонненлихта меньше всего интересуют любовные утехы с доступными студентками.

«И что, ей что-то там светит?» – спросила Настя, пытаясь вложить в сообщение весь ей доступный скепсис.

«Это же Юлька, – написал Игорь. – Ей всегда что-нибудь да светит».

Статус Славы: «Сегодня в зале на Новом Арбате – реггетон, бачата, медленный хастл!»

Статус Майки: «'Well, I'd rather not get involved. I never talk to my neighbour, I'd rather not get involved'.. It matters little to me now what people think about me.» Как обычно, умно и ни о чём.

Антон В. Зонненлихт. Офф-лайн.

* * *

В понедельник вошёл дождь. Небо нависло низко-низко, тёмно-серые тучи рвали животы об антенны, и было настолько мрачно, что казалось, будто вот-вот – и холодный ливень хлынет с потолка. Студенты ходили осунувшиеся, подавленные, словно после долгой болезни; Настя подумала, что отдала бы всё, что имеет, за один лучик солнца. Пусть бы оно выглянуло в прореху среди туч, скользнуло по лицам ласковыми лучами, хотя бы просто напомнило о себе, а то уже и не верится, что где-то за грязной, клокастой, истекающей водой серостью существует и солнце, и великолепная синева.

Солнце не появилось. Настя ещё немного постояла у окна, а затем начала спускаться по лестнице, задумчиво похлопывая ладонью по перилам. Её обогнал Сашка с пятого курса со стопкой книг в руках, зацепил сумкой, и даже...

Собственно, то, что она падает, Настя поняла уже постфактум – пролетев кувырком по лестнице и хлопнувшись на площадку. Левую ногу пронзила такая боль, что Настя заорала в голос. Всё, привет. Перелом или вывих, и, как заказано, на английский она не попадёт...

Вокруг неё собирался народ. Сашка, разроняв все книги, пытался её усадить, кто-то из девчонок натягивал куртку, чтобы бежать в соседний корпус за медсестрой, Настя смотрела на изуродованную ногу со смещённым суставом и выла от боли.

– Е-моё, Насть, ну как же ты так...

– Осторожней надо бегать...

– Иди ты, умная! Тут грязь, скользко...

– Насть, держись, ща медсестра придёт, держись!

Потом появилась тень. Коснулась её вытянутой искалеченной ноги, постояла, отступила. Сквозь слёзы Настя увидела Зонненлихта – как всегда изящного, холодного, с презрительно изогнутыми губами. Он смотрел на неё, словно на гусеницу, попавшую под каблук: грязь, которая всё портит... Ребята замолчали, кто-то даже отошёл в сторону. Где-то позади шмыгнул носом Сашка, совершенно по-детски.

Зонненлихт присел рядом на корточки, и, посмотрев на Сашу, коротко и хлётко приказал ему:

– Держи.

Саша послушно обнял Настю, а Зонненлихт внезапно и резко дёрнул за пострадавшую ногу. Настя закричала, на мгновение пришла тьма, а когда она снова открыла глаза, то увидела, что сустав встал на законное место, а Зонненлихт с таким видом, будто ему пришлось полезть голыми руками в нужник, перевязывал ей колено чьими-то колготками. Неподальёку стояла Юлька и улыбалась понимающе и гордо; Настя поняла, чьи это колготки, но от усталости и боли не смогла даже кивнуть в знак благодарности.

– Всё, – проронил Зонненлихт и выпрямился. – Парни есть ещё?

Из толпы выступил Игорь, бледный до синевы. Казалось, ему сейчас тоже понадобится медицинская помощь. Зонненлихт смерил его тяжёлым взглядом и приказал:

– Поднимайте её и несите в травму. Митько, я вас освобождаю от занятия, можете не торопиться.

– Спасибо, Антон Валерьевич, – прошептал Игорь. Зонненлихт обернулся на Настю; она посмотрела ему в глаза и едва слышно промолвила:

– Спасибо...

Зонненлихт усмехнулся, подхватил свой небрежно оставленный у перил портфель, и стал спускаться по лестнице. Что будет дальше с Настей, его не интересовало. Игорь проводил преподавателя взглядом и подошёл к Саше и Насте.

– Ну что? – проговорил он. – Понесли?

У выхода им встретилась медсестра. Замотанная, заполошенная, она несла в руке аптечку, в которой, как достоверно было известно, находились вата, зелёнка и анальгин.

– Что? – закричала она. – У этой перелом?

– Вывих, – поправил Игорь, и Настя ощутила, как его повело на сторону. Однако он удержался. – Справимся.

* * *

В травматологии Насте наложили гипс, выдали больничный на две недели и отпустили с миром. Игорю всё-таки понадобился нашатырь; Настя и Саша сидели в приёмном покое на лавочках, обтянутых прохудившимся во многих местах дерматином, и ждали, пока третий товарищ окончательно придёт в себя.

– А я крови боюсь, – вдруг признался Саша. – Когда на анализы иду, то хоть святых выноси. Хорошо, что я не женщина, у вас каждый месяц кровь...

Настя не сдержала улыбки.

– Смешной ты.

Саша покраснел и отвёл глаза. Настя подумала, что по большому счёту ничего о нём не знает. Пятикурсник, вроде бы живёт в общежитии, а так... Настя пристально посмотрела на него: высокий, светлые волосы с лёгкой волной, упрямое выражение лица и одежда из сток-магазина. Студент. Такой же, как и тысячи других.

Дальше она не додумала: в коридор вышел Игорь, уже с лёгким румянцем на щеках.

– Ну что, понесли? – сказал он. – Тут недалеко, всего три остановки.

– Ребят, я смогу идти, – попробовала встрять Настя, но парни только отмахнулись и сцепили руки в замок.

– Садись давай.

На улице было отвратительно. Дождь перестал, похолодало, и снежная каша под ногами стала подмерзать. Ботинки у ребят периодически скользили; тогда Настя вздрагивала и думала, что если её сейчас уронят, и она сломает или вывихнет что-нибудь ещё, то это будет достойным венцом её карьеры неудачницы.

– И ведь это же центральная панель... то есть улица, – бормотал Игорь.

На остановке было полно народу: закончились пары в пед и юридическом. Глядя, как студенты штурмом берут троллейбус и маршрутки, Саша прикинул и произнёс:

– Всё-таки пешком, Игорёк. Не влезем.

– Может, влезем? – попробовала предложить Настя, но мужская часть их компании хором заявила:

– Пешком!

Но пешком идти им не пришлось. Возле остановки затормозил тёмно-серый внедорожник, больше похожий на танк, чем на гражданскую машину. Дверь со стороны пассажира открылась, и оттуда выглянул отец Даниила.

– Здравствуйте! – дружно протянула троица, а отец Даниила улыбнулся и сказал:

– Здравствуйте, ребята. Усаживайте Настю, мы её подвезём.

То, что за рулём машины находится Зонненлихт, Настя поняла только тогда, когда Саша устроил её на заднем сиденье и примостился рядом. Игорь помахал им рукой и тотчас же умудрился ввинтиться в переполненный автобус, а Настя подумала, что сейчас больше всего хотела бы оказаться за километр отсюда. Зонненлихт покосился на неё через плечо, и процедил:

– Куда?

– До поворота на Пушкинскую, до остановки, – промолвила Настя. Отец Даниил ободряюще ей улыбнулся.

– Там же до жилых домов чуть ли не километр.

Зонненлихт вздохнул.

– Какой адрес, Ковалевская?

Настя назвала адрес, искренне и от всей души желая сейчас провалиться сквозь землю куда-нибудь в Австралию, или что там находится на другой стороне земли. Машина отъехала от остановки, и Настя вдруг обнаружила, что Саша держит её за руку.

Ей стало жарко.

– Настя, серьёзное что-то? – спросил отец Даниил.

– Выхих, – ответила Настя. – Две недели больничного.

Тень лежала, распластавшись по машине, придавливала обивку, текла по дороге. Но Саша держал её руку в своей, поэтому было не страшно, поэтому можно было не зажмуриваться и отступать, а противостоять.

– Упала?

– Я уронил, – признался Саша. – А Антон Валерьевич сустав вправил.

Отец Даниил обменялся с Зонненлихтом выразительными взглядами, будто хотел сказать: «Ну вот! Именно этого я и ожидал!», на что Зонненлихт будто бы ему ответил: «Так совпало, только и всего».

– Всё будет хорошо, Настя, – пообещал отец Даниил. – Я буду за тебя молиться.

– Спасибо, – ответила Настя и добавила: – И вам тоже, Антон Валерьевич.

– И Симакович за колготки, – хмыкнул тот. – Пожалуйста, Ковалевская. Если ещё вздумаете падать, то убедитесь заранее, что я неподалёку.

Саша покосился в сторону Зонненлихта весьма неприязненно, но промолчал, только сильнее сжал Настину руку. Машина свернула на Пушкинскую, миновала пустыри с торчащими из-под снега горбылями прошлогодних растений, проехала мимо заброшенной стройки, и наконец, свернула во дворы старых домов барачной постройки, в одном из которых Настя снимала квартиру.

– Спасибо, Антон Валерьевич, – сказала Настя, когда Саша выгрузил её возле подъезда. – И вам, отец Даниил.

Священник благословил её, а Зонненлихт только фыркнул, причём не совсем понятно было, к чему фыркание относится. Машина отъехала от дома и свернула в проулок; проводив её взглядом, Саша произнёс:

– А странный этот Антон. Очень странный.

* * *

С гипсом было ужасно неудобно. Пару дней Настя маялась, привыкая к тому, что едва ходит, и просыпается ночью всякий раз, когда надо перевернуться, а потом более-менее пообвыкалась.

Четырнадцать дней казались бесконечными. За окном шёл мокрый снег, приятели писали сочувственные сообщения, Настя томила от безделья, написав черновик курсовой за сутки и проделав вперёд упражнения по английскому. На второй неделе она от нечего делать прочитала по второму кругу все имевшиеся в наличии учебники, и даже – даже! – сборник сти-

хов Марка Дубинского (кто знает, тот поймёт, остальным придётся верить на слово). В интернете были исхожены все ссылки, несколько раз пролистаны страницы друзей и друзей Настинных друзей, найдена пара свежих анекдотов и тотчас же забыта – в итоге время остановилось и идти вперёд категорически отказалось.

Думала ли Настя, что, сидя у окна с кружкой чая и положив загипсованную ногу на табуретку, будет скучать по универу, по лекциям, по гулким огромным аудиториям с запахом мела и тоски – словом, по всему, что раньше ругая ругала и видеть не хотела... Она сидела на стуле, поставив чашку на подоконник, и смотрела, как едут по Пушкинской машины, как идут пешеходы, как собаки выгуливают хозяев, и ей было тоскливо так, что хотелось завывать.

Она написала Юльке смс-ку с просьбой купить коньяку – хотелось напиться и задавить меланхолию хотя бы временно. Юлька не ответила, и слава Богу: постфактум Настя поняла, что вполне могла бы впасть в запой. Прыгая по комнате и кухне, выискивая то, что можно сделать ещё, Настя нашла фотографии с первого курса, которые решила отсканировать и поместить в альбом: это развлекло её на вечер, вызвало лёгкую истерику у Виты, которая увидела себя пьяную в дымину и ненакрашенную, и, когда все обсуждения по поводу закончились, Настя поняла, что ночью умрёт от тоски.

Когда она писала тоскливо-ироничную заметку по поводу гипса в свой живой журнал, во всём квартале вырубili свет. Настя чертыхнулась, кое-как выбралась из-за компьютера, и, подсвечивая себе мобильником, отправилась в туалет – искать фонарик. В подъезде хлопали двери, на площадки выходили соседи, и кто-то уже ругался и звонил в аварийку; Настя вытянула фонарик с полки и сдвинула рычажок.

Её отражение в зеркале было странным и пугающим. И... везде была тень.

* * *

Настя вышла на занятия во вторник, как раз к концерту по поводу Дня защитника Отечества. Хохлова, замдекана по воспитательной, не к добру вспомнила, что Настя умеет танцевать, и втолковывать что-то ей было бесполезно. Стоя на большой перемене в деканате – где толпились студенты с документами и личными проблемами, беседовали преподаватели и декан, немолодая усталая тётка, говорила сразу по двум телефонам, – Настя показывала Хохловой больничный, тыкала пальцем в нестибающуюся ногу, в конце концов, даже пустила слезу, но Хохлова стояла как идол, и сдвинуть её сумел бы только танк, да и то вряд ли.

– Тебе трудно?

– Да, мне трудно! Я еле хожу, Анна Леонидовна! А вы хотите вальс!

– Между прочим, ты значилась в программе ещё с нового года! Я с пуста места народ не набираю!

Окружающие, знавшие манеру Хохловой работать на рывок, дружно хмыкнули.

– Ну Анна Леонидовна, миленькая, – принялась канючить Настя. – Разве ж я вам когда отказывала? И газету рисую (Хохлова кивнула), и песни придумываю (Хохлова снова кивнула), и выставку фотографий в том году одна устроила (и опять Хохлова кивнула), но теперь...

– И теперь не откажешь! – подытожила Хохлова. Настя едва не выругалась и огляделась по сторонам в поисках поддержки.

Поддержка таки пришла, но не с той стороны, откуда ожидала Настя, и не ей самой... Аспирант, ведущий у них социологию, странный и неприятный тип, всегда носивший чёрное, и чьё имя-отчество-фамилию Настя никак не могла запомнить, внимательно слушал перепалку, а потом всё же решил встрять:

– Анна Леонидовна, она станцует. Со мной.

Хохлова от такого содействия прямо расцвела, а Настя едва не заплакала. Чёрт, чёрт, ну почему!

– А вы танцевали раньше, Сергей Владиленович? – расплылась в улыбке Хохлова. «Сергей Владиленович, Сергей Владиленович», – повторяла Настя, чтобы не забыть. Вот почему, если не везёт, то это надолго и всерьёз? И покатыся со смеху сокурсницы, и подавятся попкорном сокурсники, когда увидят эту чудную пару...

– Причём в профессионалах, – сказал аспирант таким тоном, что Настя покраснела от стыда за свою любительскую группу.

И в это время где-то позади рассмеялись, причём глумливо и от души. Настя обернулась и увидела, что в кресле в дальнем углу сидит Зонненлихт и смотрит прямо на неё, прикидывая, видимо, как она будет смотреться в паре с аспирантом, и его выводы явно были достойны всей возможной язвительности. Настя хотела сказать, что смеяться тут не над чем, но тут Зонненлихта заслонила секретарь с ворохом бумаг, а когда она отошла в сторону, Зонненлихт с абсолютно непробиваемым выражением лица читал деловой журнал на английском языке.

«У меня же практика завтра», – растерянно подумала Настя, а Хохлова завершила разговор:

– Вот и отлично, тренируйтесь, – и улыбнулась аспиранту настолько приторно, что Настю замутило.

Она снова покосилась на Зонненлихта. Тот равнодушно перелистывал страницы и не обращал на неё ни малейшего внимания. Тень тихонько лежала под креслом.

* * *

Настины туфли, в которых два года назад она ходила на занятия в студию бальных танцев, были ей категорически малы. Настя подумала и достала чешки, решив, что на самом концерте будет выступать в сапогах. Во-первых, они больше подходили для образа медсестры, танцующей с солдатом в лесу прифронтовом, а во-вторых, мучить каблуками больную ногу она не считала нужным.

Аспирант ждал её после занятий в пустом актовом зале: в хороших ботинках и профессиональной тренировочной одежде. Переобуваясь, Настя с тоской косилась в сторону разминающегося партнёра, и думала, что смотреть на танец притащится весь поток, а ей бы хотелось танцевать с Сашей, раз уж на то пошло, а завтра практика по английскому, на котором она месяц не была, и этот мокрый снег, кажется, будет вечным...

– Венский или медленный?

– Венский, – сказала Настя. Вряд ли солдат и медсестричка будут выписывать в минуты мирной передышки дикие связки медленного вальса. Аспирант включил музыку и подошёл к ней.

«Не хватает только 'пермете ву, мадмуазель'», – думала Настя, кружась в его объятиях по сцене. Танцевал он действительно хорошо, а у Насти плохо работала больная нога, и хотелось Насте, чтобы всё оказалось сном, и она проснулась в далёком Богоявленске, дома, весной, и открыла окно, чтобы цветущие сливы заглянули в комнату, и чтобы было раннее утро, и солнце едва-едва выглядывало из-за горизонта...

– Тренируетесь?

«Нет, блин, сваи заколачиваем», – сердито подумала Настя. Хохлова стояла возле сцены и рассматривала их с интересом и удовольствием: так кот рассматривает новое блюдо, которое явно собирается быть вкусным. Аспирант выпустил Настю, та немедленно и демонстративно принялась растирать ногу.

– Тренируемся, Анна Леонидовна, – сказал он. – Всё получается.

«Оптимист хренов», – хмуро подумала Настя. В зал тем временем влетела стайка девчонок с её потока – судя по всему, им невероятно приспичило полюбоваться, как аспирант обнимается с Настей под видом вальса.

Настроение стало хуже некуда.

– Девки, вы чего? – спросила Настя. Леночек Васильева улыбнулась ей максимально широко и белозубо и ответила:

– А вы тут танцуете, да?

– Нет, мы тут сваи заколачиваем, – мрачно ответила Настя. Хохлова довольно улыбнулась и обернулась к студенткам:

– Девочки, идёте! Поможете мне с плакатами.

Девчата, искренне ненавидевшие бесплатный труд после окончания пар, уныло попле-лись за ней. Аспирант покосился на Настю и подмигнул:

– Ну что? Будем надеяться, делегаций сегодня больше не будет?

– Давайте танцевать, – устало предложила Настя.

Получалось, конечно, не ахти. Аспирант хмурился, сердился, в конце концов сказал, что устал считать Настины ошибки и ждёт её на тренировке завтра в это же время. «Будто бы за ночь что-то может измениться», – устало подумала Настя, спускаясь со сцены к своим вещам. Аспирант некоторое время пристально рассматривал её, по-птичьи склонив голову набок; Настя не выдержала и спросила:

– Что?

Аспирант усмехнулся.

– Завтра у тебя социология. Не забудь.

Насте стало неприятно.

В половине шестого корпус был практически пуст. Волоча за собой по полу мешок с чешками и гетрами, Настя шла по коридору, мимо запертых аудиторий, и думала, что вот и ещё один день прошёл, через десять дней наступит весна, а это уже хорошая новость. Откуда-то издали доносилась неуловимо классическая музыка: спецкурс по мировой культуре у первокурсников, автоматически отметила Настя. Скучно. Тяжко.

В читальном зале она вытянула со стеллажа папку с заданиями для практических по социологии, взяла на выдаче учебник Батыгина и забилась в самый дальний угол. До закрытия оставалось около часа, ксерокс уже не работал, и, глядя на объём того, что надо законспектировать, Настя едва не расплакалась. Всё было не так, всё было плохо, нога болела; Настя села за стол, решив записать всё, что успеет, но, начав предложение, бросила на полпути и уронила голову на тетрадь.

Жить не хотелось. Вот не хотелось, и всё; попробовав понять, почему ей так не везёт с начала семестра, Настя едва не расплакалась. Пикировки с Зонненлихтом, отсутствие стипендии, вывих, танец этот проклятый, и аспирант, который сунулся, куда не просят! Отбрехала бы она от Хохловой, не впервой, так нет же, влез сам, и завтра семь шкур спустит на занятия, к которому она не успеет подготовиться... И крупное, и мелочи – всё в кучу, всё на неё.

Кто-то проходил мимо, потом остановился. Настя физически ощутила взгляд, равнодушно-спокойный, скользящий по ней с каким-то привычным, что ли, любопытством. Настя подняла голову и не удивилась, увидев Зонненлихта.

– Что? – спросила она, краем сознания отметив, что голос дрожит.

– Ничего, – сказал он. – Вы слишком громко плачете, Ковалевская.

Настя провела ладонью по щекам: действительно. И сама не заметила, что ревьёт белугой, обливая горячими слезами учебник. Всё в порядке, всё нормально, всё будет хорошо...

– Вам-то что? – спросила она. Какое-то лихое бесшабашное чувство, стучавшее в виски, говорило, что ей нечего терять. Можно и похамить слегка. А можно и не слегка. – Какое ваше дело, идите себе мимо...

Зонненлихт демонстративно выдернул из-за соседнего стола стул и сел в проходе. Бросил портфель на колени.

– Всем преподавателям так грубишь или это моё особенное счастье?

– Со всеми людьми такой гад или это мне так повезло?

Внутренний голос сказал, что дни Насти в институте сочтены. Сейчас Зонненлихт встанет, пойдёт в деканат и напишет докладную на имя декана, что студентка Ковалевская обхатила его с ног до головы. Дальше будет тройной завал зачёта, не сдача одного комиссии и отчисление. Она прекрасно понимала, что так и будет, даже видела себя пред декановыми глазами в позе царевича Алексея с известного полотна, но остановиться не могла: Остапа понесло.

Зонненлихт откинулся на стуле и стал рассматривать Настю с чувством и расстановкой, неспешно, будто изучая неожиданно попавший в личное пользование раритет. У Насти шумело в ушах.

– Что, думаете, как дальше издеваться?

– Вы знаете, нет, – покачал головой Зонненлихт. – Над вами и так уже судьба поиздевалась. Упавших я не добиваю.

Настя закрыла глаза. «Этого не может быть, – опустошённо подумала она. – Я не могу так с ним разговаривать. И он не может так разговаривать со мной. Это неправильно».

– Но вот поднять упавшего, и бить, пока он снова не упадёт, – медленно проговорила Настя, – это совсем другое удовольствие, правда?

– Разве я вас бью?

– Не только меня, Антон Валерьевич.

Зонненлихт вопросительно вскинул бровь.

– Вы же всех ненавидите, – сказала Настя, глядя на него в упор. – Как же вы так живёте, словно мы все грязь... Грязь под вашими роскошными ботинками... С чего вы так решили, хотела бы я знать...

Зонненлихт отвёл взгляд, и по его лицу скользнуло что-то вроде печали. Настя испуганно подумала, что сейчас он её ударит, и будет совершенно прав, она это заслужила. Пощёчину, и за лохмы, и об стол.

– Первое чувство, которое испытываешь, попадая сюда, – раздумчиво произнёс он, будто разговаривал сам с собой, – это отвращение. Самое настоящее отвращение. Ко всем, в том числе и к себе. Представьте себе то, что вам не нравится, то, чем вы брезгуете, то, что никогда не взяли бы в руки...

«Точно ударит», – подумала Настя и испуганно предположила:

– Какашка?

Зонненлихт усмехнулся. Не язвительно, как раньше, а почти по-доброму.

– Лучше жаба или паук. Страшно?

– Противно, – призналась Настя, уже ничего не понимая.

– Представьте, что вы, с вашим человеческим разумом, опытом, талантами, вдруг превратились в паука, – всё так же раздумчиво продолжал Зонненлихт. – В существо, которое вам омерзительно. Вы вынуждены жить по паучьим законам, установкам общества, морали, которая вам чужда. Вся ваша человеческая суть, все возможности, все силы и навыки ограничены уродливым телом насекомого, и из-за этого огромного количества вещей вы в принципе сделать не можете, – он ещё раз посмотрел на Настю, и теперь в его взгляде не было ехидной язвительности – только глубокая подлинная печаль, и Насте стало действительно страшно. – Самое страшное то, что вы помните, чем были. И видите, чем стали. Поэтому не стоит удивляться. Всё предельно логично.

Настя кивнула, растерявшись совершенно от полной нереальности происходящего, и тут её ткнули в плечо. Она вздрогнула...

...и проснулась в читальном зале. Шея затекла от лежания в неудобной позе, на щеке отпечатался контур учебника, и нога болела так, что Настя засомневалась, сможет ли встать.

– Они закрываются, – процедил Зонненлихт.

Настя ойкнула, судорожно схватившись за книгу. Дура, дура! Проспала целый час вместо того, чтобы конспектировать, и что делать завтра на семинаре? Она физически ощутила, как внутри что-то оборвалось и упало.

Зонненлихт протянул руку и легко вытянул книгу из стиснутых Настиных пальцев. Сделал несколько шагов в сторону выдачи.

– Маша, я возьму Батыгина до завтра?

– Конечно, Антон Владимирович! – звонко крикнула библиотекарьша, выпускница мехмата и такая набитая блондинка, что становилось страшно. Зонненлихт криво ухмыльнулся.

– Неужели так трудно запомнить, как меня зовут... – сказал он и бросил книгу Насте. – Учи.

* * *

Социология стояла первой парой, и не нужно быть предсказателем, чтобы иметь уверенность в том, что Настю обязательно спросят. Аспирант вызвал её сразу, по первому же вопросу, и изучающе рассматривал, пока она рассказывала о социальных проблемах распределительных отношений. Его улыбка, одновременно жёсткая и плотоядная, красноречиво говорила о том, что халява Насте не грозит, и всем бы неплохо это уяснить.

Группа уяснила. Настя вернулась на своё место на последнем ряду, бросила учебник в котомку и открыла лекции Юльки по философии. Философ был давнишний Юлькин ухажёр, но лекции она записывала безукоризненно, памятуя о прошлогоднем провале, когда весь курс провёл один человек, а на экзамены пришёл совсем другой, и Юлька едва выплыла на тройку. Игорь, сидевший рядом, сосредоточенно списывал у Насти английский.

– С грамматикой он дрючит нереально, – заметил Игорь. – Даже Юльку.

– Что значит «даже» Юльку? – спросила Настя. – Юлька такая же, как мы. И английский знает ненамного лучше.

– Её никто больше не дрючит, – сказал Игорь. Настя хмыкнула.

– Понятное дело.

Аспирант постучал ручкой по столу, призывая к тишине. Настя сделала вид, что усиленно слушает доклад Лоры.

– А Сашка ушёл на заочное, – прошептал Игорь и пояснил: – Николаев Сашка, пятый курс.

Настя натурально раскрыла рот. Сашка? На заочное? На пятом курсе, за полгода до диплома?

– Да ты что... – только и смогла вымолвить она. – Как же его перевели-то? Пятый же курс...

– Сказал, по личным обстоятельствам. Он вообще хотел уходить, декан еле отговорила.

– Последний ряд, тихо! – рявкнул аспирант.

* * *

Английский был на четвёртой паре. Зонненлихт сидел за столом над журналом и не поприветствовал группу даже кивком.

– Сборник упражнений, с тридцатого по тридцать восьмое, – сказал он, не поднимая головы. – Сделаете и можете идти домой.

По группе прошёл лёгкий ветер шёпота.

Копаясь с завершённым и простым прошедшим временем, Настя периодически поглядывала в сторону Зонненлихта. Выглядел он сегодня не очень: бледный, осунувшийся, какой-то опустошённый, он создавал впечатление тяжело больного либо потерявшего всё и смиливше-

гося с потерей. Прежний глумливый и язвительный хлыщ куда-то подевался: за столом сидела его оболочка, не более.

Насте стало жутко.

Повинуясь уже знакомому чувству, она сгребла со стола тетрадь и учебник и подняла руку.

– Можно вопрос, Антон Валерьевич?

Зонненлихт скользнул по ней невидящим взглядом и кивнул. Настя выбралась из-за стола и подошла к преподавателю.

– Вот тут мне не очень понятно, – сказала она, указывая на пункт в упражнении. – Помоему, и так, и так получается...

Зонненлихт взял её тетрадь, просмотрел записи, а затем вынул ручку и написал правильный вариант – всё это, не произнеся ни звука.

– А почему? – спросила Настя. – Ведь по правилу на завершённое время похоже...

Зонненлихт вздохнул и закрыл тетрадь.

– Потому что здесь факт в прошлом, без привязки к настоящему времени, Ковалевская.

Настя издала невнятное «угу», ожидая, что получит знакомый презрительный взгляд, но этого не произошло: Зонненлихт потерял к ней даже минимум интереса и стал смотреть за окно. Сев на место, Настя снова занялась упражнениями: мало ли что у кого произошло? Не суй нос в чужой вопрос, дольше проживёшь: для неё сейчас важно то, что есть возможность уйти с занятия раньше и сходить в столовую перед тренировкой.

Почему же ей тогда не по себе, причём настолько, что она готова вскочить и убежать?

Настя вытянула шею и заглянула под преподавательский стол.

Тени не было.

Совсем.

Настя шлёпнулась на место, закусив губу, чтобы не вскрикнуть. Тень исчезла, а за это время Настя так привыкла к тому, что Зонненлихт с ней неразлучен, что теперь её отсутствие... Тьфу ты! Глупости! Не мог же он потерять тень!

Настя высунулась снова и принялась рассматривать пол под ботинками Зонненлихта. На сей раз это не осталось незамеченным: преподаватель поднял голову и спросил:

– Что-то потеряли, Ковалевская?

– Нет, – промямлила Настя. Тень, конечно, была, но серая и мелкая, чужая, не принадлежавшая Зонненлихту никогда. Он потерял тень и заболел?

– Тогда работайте, – скучно посоветовал Зонненлихт. – Это полезно.

Колкость не прозвучала. Насте снова стало страшно. Зонненлихт с пустыми глазами варёной рыбы пугал её гораздо больше, чем Зонненлихт с тенью; вот уж верно говорят, что чёрт знакомый лучше чёрта незнакомого... Ну и денёк выдался: Саша ушёл так, что это похоже на паническое бегство, Зонненлихт пугающе иной, да ещё и тренировка с аспирантом сегодня. Скорей бы уже прошёл этот дурацкий концерт... Но всё-таки, где же его тень? Неужели действительно ушла? Настя сама не ожидала, что будет рассуждать об этом настолько серьёзно, хотя жизнь и приучила её к тому, что нельзя всё отметать сразу и напрочь.

– Ковалевская, вы спите?

Настя встрепенулась и увидела, что за размышлениями и не заметила, что вся группа уже сдала работы и разошлась по домам. Зонненлихт откинулся на спинку стула и рассматривал её с ироничным любопытством – не злым, как раньше, а почти спокойным.

– Н-нет, – промолвила Настя, – нет... Я уже... Я почти дописала..., – и принялась строчить в тетради. – Сейчас...

– Да не спешите, – милостиво позволил Зонненлихт и снова отвернулся к окну. Настя скосила глаза к стеклу: что там можно рассматривать? Серый двор, пара в хлам пьяных перво-

курсниц плетутся к воротам, мокрый снег к вечеру застынет, и с плясок Настя поползёт враскоряку и со скоростью черепахи...

Что-то тёмное дрогнуло под её стулом. Настя посмотрела вниз и увидела тень. И никуда она не делась – лежала на полу, окутав её ноги, и ждала.

Словно ледяной палец скользнул по её позвоночнику. Настя взвизгнула и запрыгнула на стол. Страх, охвативший её, был настолько велик, что она на какое-то мгновение потеряла связь с реальностью, а когда обрела его снова, то обнаружила, что уткнулась лицом в плечо подбежавшему к ней Зонненлихту.

– Что там?

– Там... там она...

– Кто? Крыса?

Настю трясло так, что зубы стучали. Прикосновение тени было мягким и влажным, и оставляло ощущение старого склепа, в котором замурован живой человек и не имеет сил выбраться – и поэтому лежит в пыли у выхода, пытаясь ловить растрескавшимися губами струйки свежего воздуха. Зонненлихт заглянул под стол.

– Никого там нет.

Настя посмотрела под стол. Тени там не было – она уползла на своё законное место, к ботинкам Зонненлихта. Сыто чавкнула, присосалась, растянулась по полу за ним: Настя поняла, что не сможет больше ходить на английский. Никогда, ни за что, её теперь сюда на верёвке не затянуть. Пусть отчисление, пусть академ, пусть заочное – но если тень прикоснётся к ней снова, это кончится деревянным сюртуком.

– Никого там нет, – повторил Зонненлихт. Взял Настю за подбородок сухими прохладными пальцами и посмотрел в глаза. – Нет никого, а если и было, то ушло.

Настя впервые заметила, что глаза у него не серые, а зелёные; впрочем, она впервые находилась к нему настолько близко так долго, и ситуация была неудобной, неловкой, нарочито комедийной... На английский больше не пойдёт, и самого Зонненлихта будет десятой дорогой обходить.

– Крыса? – спросил он, и Настя услышала, что он хотел сказать на самом деле: «Я знаю, что ты видела мою тень, но для тебя будет лучше, если ты решишь, что тебя напугала крыса. Впрочем, я не настаиваю».

– Угу, – кивнула Настя и сползла на стул, молясь о том, чтобы не коснуться его тени снова. Зонненлихт улыбнулся, холодно и спокойно, теперь это был прежний холёный и язвительный хлыщ, для которого все окружающие были грязью под ногами. «Я с ума схожу», – подумала Настя.

– Никого там нет, – произнёс Зонненлихт. – Заканчивайте работу.

* * *

Возвращаясь домой с тренировки – нога сегодня почти не болела, и аспирант был доволен, а завтра предстояло собственно выступление, и Настя несла в пакете зелёную форму – Настя наткнулась на Сашу.

Он стоял в гулкой подворотне, которую студенты называли Пьяной дыркой – на большой перемене здесь во все времена года все поколения студиязусов пили пиво. В первую минуту Настя Сашу не узнала: тусклый свет фонаря выявил не студента-отличника, а опустившегося наркомана, мимо которого хотелось пройти побыстрее, и только когда тот окликнул:

– Настя, привет, – та поняла, что перед ней именно Саша. Грязный, без шапки, с невымытыми волосами, свисающими сальными прядями – но именно Саша.

– Что с тобой? – спросила она. – Саш, ты что?

Сашу качнуло; он выбросил руку и схватился за её плечо.

– Ничего... Неважно, – хрипло произнёс он. – Как твоя нога?

– Уже пляшу, – ответила Настя. – Саш, что происходит?

Саша резко втянул ноздрями воздух, будто приноживался, и его губы трагически дрогнули.

– Саш, ты пьяный? Или курил? Саш... Да что с тобой?

По его щеке пробежала слеза.

– Всё напрасно, Насть... Вот совсем всё. Ты только держись, ладно?

Он всхлипнул и выпустил её плечо.

– Пока.

И исчез. Отступил во мрак, слился со стеной; Настя застыла с раскрытым ртом, пытаясь уловить его шаги, но Пьяная дырка была пуста, лишь откуда-то с улицы доносился шум машин и голоса людей.

* * *

Выступление прошло на удивление хорошо. Настя с аспирантом открыли концерт, три минуты кружились по сцене под аплодисменты зрителей, и, когда танец закончился, и пара вышла на поклон, то, глядя на зрителей, Настя поняла, что случился триумф, а не позорище. За кулисами, когда она снимала гимнастёрку, к ней подошла Катя из отдела по воспитательной работе и спросила:

– У тебя приличное платье есть?

– А что? – поинтересовалась Настя, по новой перематывая колено эластичным бинтом. Аспирант, давно сменивший гимнастёрку на дорогую рубашку, косился в её сторону с интересом.

– Сегодня банкет, Светлана Сергеевна хочет, чтобы вы танцевали.

Светлана Сергеевна Небейбаба была проректором, и ей как-то ни разу и никто не отказывал. Настя вздохнула, подумала, что скорее всего ей придётся покупать новую ногу и ответила:

– Нету.

Катя чертыхнулась.

– Сергей Владиленович, а вы сможете в этой рубашке танцевать?

Аспирант кивнул и снисходительно ответил:

– Разумеется.

Катя подхватила Настю под локоть и потянула за собой.

– Пошли, подберём тебе чего-нибудь.

В костюмерной пахло пылью, потом, и чем-то ещё, чему Настя не сумела дать названия – может быть, отыгранными на студенческой сцене ролями, сбывшимися мечтами, аплодисментами, обманутыми надеждами... За полчаса Катя подобрала ей несколько платьев, и Настя выбрала тёмно-синее с поясом под грудь, по моде девятнадцатого столетия. Отличная была мода: можно быть беременной, можно бинтовать ногу – никто ничего не заметит. К платью полагался ещё пышный берет со стразами и перьями; Настя надела его, подошла к зеркалу и не узнала себя.

– Красавица, – заявила Катя со знанием дела. – Может, и Владиленыча приодеть? А ты пока глаза посильнее подведи, что ли.

Аспиранту достался белый офицерский мундир с эполетами. Настя посмотрела на него, и скептически подумала, что они прекрасная пара.

Корпоратив преподавателей ничем не отличается от всех остальных корпоративов. Столы, заставленные снедью и выпивкой, шумные разговоры, тамада, который традиционно упивается первым, но держится на ногах до конца вечера, шутки, тосты, аплодисменты и даже тривиальное «Пошли выйдем» – всё было в наличии. Настя и аспирант танцевали, дуэт с мех-

мата томными голосами пел итальянские песни, и все имели успех. К Насте подошла Хохлова с тарелкой мясной нарезки, и сказала:

– Ну вот, а ты отказывалась. Премию вам выпишем.

Настя натянуто улыбнулась. Нога болела, предстояло ещё несколько танцев, причём приходилось импровизировать – по счастью, гости уже хорошо приняли на грудь и не замечали ляпов – а Хохлова про премию даже не вспомнит. Аспирант во время передышки успел принять на грудь со своим научным руководителем, и его левая рука теперь лежала не на лопатке Насти, а на талии. В банкетном зале было жарко; берет Настя сняла и положила на свой стул – после того, как они вернулись с танца, обнаружилось, что берет исчез в неизвестном направлении. Настя только чертыхнулась.

Когда еды было ещё много, а спиртное принесли ещё, в зале обнаружился Зонненлихт. Настя почувствовала, как её охватило стужей среди банкетной духоты. Зонненлихт сидел в дальнем углу, перед ним стоял наполовину пустой бокал красного вина; судя по всему, он просто наблюдал за собравшимися с любопытством энтомолога, который рассматривает колонию муравьёв. Вот в муравейник бросили мармеладину: чем занялись муравьи? Сперва удивились, потом возрадовались, потом взмолились муравьиному богу, благодаря его за щедрый и незаслуженный грешниками дар, а потом принялись кушать, и процесс кушанья мы как раз и наблюдаем. Из остатков наверняка сделают что-то вроде камня Каабы.

– А давайте танцевать! – провозгласил проректор по учебной работе, и Настя порадовалась было, что сейчас под шумок возьмёт и уйдёт. Переоденется в костюмерной, где сиротливо брошены её свитер, джинсы и сапожки, и поползёт домой, стараясь не поскользнуться и не упасть.

Не тут-то было.

Сухие жёсткие пальцы придержали её за локоть. Настя обернулась: Зонненлихт. Холоден, спокоен, абсолютно трезв; тень съёжилась в крохотную лужицу возле ботинок.

– Позвольте вас пригласить, – сказал он, и, не дожидаясь отказа или согласия, взял Настю за руку. Аспирант, который опоздал к партнёрше, смерил соперника оценивающим взглядом и решил не связываться.

– Мальчик положил на вас глаз, – равнодушно прокомментировал Зонненлихт. Настя двигалась, повинаясь его ведению, и думала о том, что теперь в полной мере поняла смысл фразы «ни жива, ни мертва». Рассказать Игорю, с кем танцевала – не поверит. Такое даже Юльке не по плечу.

– Не может быть, – ответила она. Губы Зонненлихта дрогнули в ироничной улыбке.

– Мальчик бедовый. Сейчас дотанцуем, и вы пойдёте переодеваться. Он будет ждать в костюмерной. Ясно, зачем, или мне сказать?

Настя скривилась. Покосилась в сторону аспиранта, который сидел за столом и что-то обсуждал с Хохловой, а та расплывалась в улыбке. Сейчас Настя видела его будто бы впервые: типичный ботаник в очках с узкими стёклами, тощий, некрасивый и невероятно самоуверенный, с манерой держаться, которая явно была позаимствована у какого-нибудь знакомого доктора наук. Он будет ждать её в костюмерной, чтобы сделать предложение, от которого Настя, по его мнению, не откажется, потом натянет штаны и скажет, чтобы она не забыла подготовиться к практической.

Её замутило. Зонненлихт удовлетворённо кивнул.

– Собственно, вариантов два. Первый самый сложный: я сейчас дотанцую вас до выхода, и мы уйдём куда-нибудь. Например, курить. Мальчику надоест вас ждать, и он отправится домой, отложив всё на потом.

– Я не курю, – прошептала Настя. Не смотреть в сторону аспиранта, не смотреть...

– Напрасно.

Она ощущала спиной его взгляд – взгляд прилежного ученика, который сидел за книгами, когда однокурсники пили и гуляли, который решил, что от человека в зависимом положении отказа ждать не придётся – и это был тяжёлый, нехороший взгляд.

– А второй вариант?

Зонненлихт ухмыльнулся.

– А то вы не понимаете! Пойти и раздвинуть ноги, разумеется.

«Я открываю для себя много нового, – подумала Настя. – Например, физическое омерзение». И действительно, чувство было такое, будто её уронили в застарелую вонючую лужу, в которой начала зацветать вода и жидкая тёплая грязь обнимала с отвратительным чмоканьем.

– С чего вы взяли? – сказала Настя нарочито резко, только ради того, чтобы разогнать вязкий туман тошноты. – Сергей Владиленович порядочный человек.

Зонненлихт глумливо хмыкнул.

– Хотите в этом убедиться?

– Откуда вы знаете?

– Знаю.

– Глупости!

Песня закончилась. Зонненлихт улыбнулся. Настю передёрнуло от его улыбки, спокойной, всё понимающей: он просто смотрел на неё и прикидывал, как дальше развернутся события. Не потому, что ему жаль Настю, или он хочет ей помочь – нет, это всего лишь жизнь в муравейнике, за которой он наблюдает. Она вежливо улыбнулась Зонненлихту и выскользнула из его рук.

– Спасибо, Антон Валерьевич.

Он кивнул и в следующий миг растворился среди гуляющего народа.

Настя подхватила котомку и выбежала из банкетного зала. Гадко, мерзко – настолько противно она давно себя не чувствовала, да и не ожидала подобных намёков. Кто-кто, а Зонненлихт их не мог делать в принципе. Настя задумалась: а воспринимают ли его как мужчину? Есть ли у него дети, жёны, любовницы – или он только преподаватель, машина для приёма-передачи знаний, не настроенная на что-то, помимо основной задачи.

Вечернее здание университета, пустое и гулкое, нагоняло тихую тревогу. Настя сбежала по лестнице, подёрнула дверь костюмерной – открыто – и вошла внутрь.

Всю огромную костюмерную освещала одна лампа в центре, и углы тонули во мраке. Платья, пиджаки, рубашки, блузы на длинных рядах вешалок казались трупами удушенных; Настя быстро пробежала мимо них к скамеечке, на которой оставила одежду. И никого здесь нет; сейчас она быстро натянет своё немудрящее барахло и пойдёт домой. Всё-таки дрянной человек этот Зонненлихт, наговорил гадостей, испортил настроение... Надо будет рассказать Игорю, хотя он и не поверит. Скажет, что Настя над ним потешается... А если она ещё и расскажет про тень, и то, что Зонненлихт наговорил про социолога, то Игорь точно решит, что Настя с глузду съехала. Особенно в том месте рассказа, где повествуется о том, что англичанин напропорочил ей интим по принуждению с молодым аспирантом – вот тут Игорь точно будет хохотать в голос. И будет прав, потому что поверить такому – себя не уважать.

Когда знакомые ладони легли на её обнажённые плечи, то Настя даже не удивилась. Тебя предупреждали? Тебе говорили по-хорошему? Ты не послушала? Теперь нагибайся и раздвигай.

– Не бойся, – прошептали сзади. – Это я.

Чужое дыхание щекотало её ухо. словно со стороны Настя увидела себя: дрожащие губы, огромные глаза на пол-лица, слезинка, стекающая по щеке... «Хотите в этом убедиться?» – спросил полумрак насмешливым голосом Зонненлихта. Что ж, возможность предоставлена.

– Сергей Владиленович, не надо, – только и смогла вымолвить Настя. «Мальчик бедовый... Мальчик положил на вас глаз...», – откликнулись тени из всех углов.

– Не бойся, – повторил аспирант, расстёгивая бюстгальтер. Лямки скатились по рукам; пальцы социолога накрыли Настину грудь, сжали. Настя поняла, что сейчас ничего не сможет поделаться: ни закричать, ни банально дать в морду – абсолютно ничего, она оцепенела, как кролик перед змеей, и даже дышать не может... Кровь бухала в ушах, чужие руки скользили по её коже, аспирант шептал что-то успокаивающее – наверно, так разговаривают с животными перед тем, как забить на мясо. Господи, если где-то там, в твоём недостижимом блаженстве тебе есть дело до того, что происходит в пыльной костюмерной провинциального университета, то пожалуйста, переиграй всё это...

Аспирант развернул её к себе. Впился в рот жадным горячим поцелуем. Не переиграли... Теперь сознание воспринимало всё тягуче-медленно, будто кто-то решил насладиться пыткой, имея возможность растянуть её в мельчайших деталях: каждый вздох, каждое прикосновение, каждое крохотное движение, каждый удар сердца. «Это происходит не со мной», – так думала Настя, когда аспирант спихнул одежду на пол и уложил её на скамейку. «Я не здесь», – говорила она себе, когда он расстёгивал рубашку. «Мне это снится», – уверяла она, когда его пальцы потянули за язычок молнии на её джинсах; надо же – она успела надеть джинсы...

За стойкой с одеждой кто-то громко чихнул. Забрякало, покотившись по полу, старое ведро для мытья полов. Время дрогнуло и потекло прежним, нормальным ходом; аспирант, как был, в рубашке нараспашку, бросился к выходу. За ним громко хлопнула дверь, эхо раскатилось по всему зданию, от чердака до подвала, и только тогда Настя смогла скорчиться на лавке и зареветь белугой.

Когда Зонненлихт вышел из-за стойки и сел на корточки возле лавки, то Настя не удивилась.

* * *

– Господи, да как же...

– Очень просто.

– Ну почему, я не понимаю... как он мог! И почему вот так, подло...

– Так приучен.

– Когда он... вот так, сзади... Я же испугалась до смерти, я пошевелиться не могла, сказала только «Не надо...», и как язык отнялся...

Настю трясло. Вовсе не фигурально: она смотрела на свои пальцы и видела, как их колотит мелкой дрожью, и никаким усилиям разума эта дрожь не поддаётся. А сперва она вообще не могла пошевелиться, и Зонненлихту пришлось застёгивать ей штаны, надевать свитер и практически нести в раздевалку.

Гардеробщица посмотрела на них с явным и неприкрытым неуважением, но, разумеется, промолчала. Настю вроде бы начало отпускать, она даже сумела влезть в куртку с первого раза. Но на улице возле ворот ей померещился силуэт аспиранта, и её снова сковало неподвижностью и страхом. Тогда Зонненлихт обнял её и повёл на стоянку.

А в машине Настю начало трясти. И прорвались слова.

– Что же теперь будет... Что же теперь будет, Господи... Мне же ему экзамен сдавать, как я на занятия буду ходить..?

Зонненлихт не смотрел в её сторону. Подчёркнуто внимательно следил за дорогой. Настю это почему-то радовало.

– Не подавая виду. Не было ничего.

– Как же не было?! – вспыхнула Настя.

– Поцелуй и объятия. А потом он трусливо покинул поле любовной брани. И сейчас думает, что это шляхетской чести обида.

Машина свернула на Пушкинскую и провалилась в бесфонарную тьму. Далеко впереди горели окна жилых домов; Настя подумала, что её никто не ждёт, и, войдя в прихожую своей крохотной квартирki, она тоже погрузится во мрак.

– И в этой обиде виновата я...

– О, разумеется.

Настя уронила лицо на руки. Потёрла щёки.

– Что же теперь делать...

– Ничего. Делайте вид, что ничего не случилось.

Машину слегка тряхнуло на колдобине. Громада заброшенной стройки нависла над дорогой, словно хотела посмотреть, кто это тут едет и как с этим кем-то можно позабавиться. Среди обнажённых рёбер этажей что-то двигалось, и Настя искренне понадеялась, что это местная шпана ищет приключений на филейные части.

– Надо мне было вас послушаться, – произнесла она. – Тогда бы ничего этого не случилось.

Зонненлихт усмехнулся.

– Я прекрасно знал, что вы этого не сделаете.

– Откуда вы знали, что сделает он?

Тот пожал плечами. Вывел машину во двор.

– Знал.

Возле подъезда слонялась дворовая собака, что-то вынюхивала в снегу. Настя подумала, что сейчас за ней захлопнется дверь, и она останется наедине со своим омерзением и одиночеством. Может быть, достанет из заглазника бутылку вина, может быть, даже выпьет, чтобы забыться. Наверняка пойдёт в ванную, чтобы жёсткой мочалкой соскрести с тела отпечатки чужих пальцев. И наверняка уснёт в тёплой воде, и это станет финалом...

Может быть, тогда всё будет хорошо.

Машина остановилась. Зонненлихт перегнулся через кресло и взял с заднего сиденья высокий узкий пакет.

– Хотите коньяку? – предложил он.

В голове у Насти пролетела всклокоченная стая мыслей: дома вроде бы порядок (был вчера, а сегодня она опаздывала в институт и устроила привычный кавардак), в холодильникемышь повесилась, и вообще – у неё дома Зонненлихт, и она будет с ним пить коньяк! Сказали бы ей об этом вчера – куда бы она предложила пойти сказавшему? А ещё ей придётся остаться одной в пустой тёмной квартире, и даже если она включит свет, то страх не уйдёт – если только не принять предложение.

– В медицинских целях?

– Сугубо, – кивнул Зонненлихт.

Первым делом Настя включила свет в комнате и на кухне. Мысли путались и перебивали дорогу друг другу. Зонненлихт разулся, нанизал на крючок петельку пальто и прошёл вслед за Настей в единственную комнату.

– Скромно, – заметил он. – Впрочем, скромность украшает.

– Присаживайтесь, я сейчас стаканы принесу, – Настя носилась по комнате, сгребая вещи в шкаф и создавая видимость порядка. Зонненлихт сел в кресло у стола, поддел указательным пальцем обложку одной из тетрадей и заглянул внутрь. Настя покосилась в его сторону: социология. В эту тетрадь с цветком на обложке она конспектировала социальные проблемы распределительных отношений.

– Не волнуйтесь за экзамен, – сказал Зонненлихт, когда Настя принесла с кухни рюмки и села на стул напротив. В марках коньяка она не разбиралась, но такие, как её гость, дешёвку не пьют. – Мальчик, конечно, будет куражиться, но в итоге поставит всё так, как надо. Помните об этом и ничего не бойтесь.

– Я не знаю, как ему в глаза смотреть, – проговорила Настя, разглядывая красно-коричневую жидкость в рюмке. Зонненлихт хмыкнул.

– Можно подумать, это вы снимали с него штаны. Ваше здоровье, кстати.

Звякнул хрусталь. Коньяк обжёг пищевод и ударил в желудок. Настя зажмурилась.

– Что, не пили раньше коньяка? – поинтересовался Зонненлихт. Настя помотала головой.

– Ни разу.

Зонненлихт усмехнулся. Обновил рюмки. В голове у Насти приятно шумело, а губы всё ещё жгло. Случай с аспирантом как-то отдалился, во всяком случае, руки уже не дрожали. Даже тень Зонненлихта, что сейчас притаилась под креслом, не казалась такой пугающей.

– Надо же, – раздумчиво произнёс Зонненлихт, – а я думал, студенты пьют всё, что горит.

– Я вообще почти не пью, – сказала Настя и лихо опустошила вторую рюмку. Зонненлихт посмотрел на неё с одобрением.

– Шустро вы в тему входите, – отметил он. – Впрочем, вам сейчас полезно.

– Мне мама всегда говорила, – вспомнила Настя, – что рюмка от нервов никогда не помогает. Но только рюмка!

Зонненлихт кивнул и наverted крышку обратно на горлышко бутылки.

– А мама где? – спросил он с небрежной прямолинейностью.

– Мама в Богоявленске, – ответила Настя. – Я же сама не из Турьевка, учусь только здесь. Потом поеду обратно, буду работать в социальной службе. По маминим стопам, так сказать...

Она поймала себя на мысли, что этого не может быть. Не может сухарь Зонненлихт, одно появление которого в конце коридора покрывает стены инеем, вот так непринуждённо сидеть в её кресле, не может она так запросто пить с ним коньяк, не может рассказывать про маму и планы на жизнь... Наверно, это снова сон, как тогда, в читальном зале, и сейчас она проснётся где-нибудь на лавочке в универе или даже на собственном диване. Пусть это будет сон, потому что тогда сном окажется и аспирант в гардеробной, и его ладони, скользящие по её коже, и собственный ужас и оцепенение, которое, казалось, будет вечным...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.